

ксения малич

«пришел, увидел — побежден!»

советские и британские архитекторы
в 1930–1960-е годы

Ксения Малич

**«Пришел, увидел – побежден!»
Советские и британские
архитекторы в 1930–1960-е годы**

«ВЕБКНИГА»

2024

УДК 72.007(47+57)
ББК 85.118

Малич К. М.

«Пришел, увидел – побежден!» Советские и британские
архитекторы в 1930–1960-е годы / К. М. Малич —
«ВЕБКНИГА», 2024

ISBN 978-5-6049360-8-5

Данное исследование – рассказ о профессиональном общении советских и британских архитекторов в 1930–1960-е годы, с момента отлаживания «Интуристом» и Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей организованных поездок английских специалистов в СССР до окончания оттепели и периода послевоенной реконструкции. Официальный контекст этого сюжета прочитывается легче, чем частные взаимоотношения. Но за общей историей культурной дипломатии, местами логичной, а местами противоречивой, даже в самые сложные моменты все равно можно почувствовать личные интонации. Ведь, в конце концов, люди общаются просто потому, что им одиноко.

УДК 72.007(47+57)
ББК 85.118

ISBN 978-5-6049360-8-5

© Малич К. М., 2024
© ВЕБКНИГА, 2024

Содержание

Список принятых сокращений	6
Благодарности	7
Глава 1. Между войнами	8
Архитектура и культурная дипломатия: ВОКС, «Интурист», SCR	8
Историография	8
Архитектурная секция ВОКС	9
Функционализм vs традиционализм	12
Стилистические предпочтения как инструмент	13
идеологического противостояния	
Первые организованные поездки британских туристов в СССР	15
Стратегии гостеприимства	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

К. М. Малич
«Пришел, увидел – побежден!»
Советские и британские
архитекторы в 1930–1960-е годы

© Музей современного искусства «Гараж», 2024

© Ксения Малич, текст, 2024

© Андрей Кондаков, макет, 2024

* * *

На обложке: Английские архитекторы на фоне пропилей набережной 62-й Армии, Сталинград. 1953. Иллюстрация из журнала *The Architect and Building News*. 3 декабря 1953

Список принятых сокращений

- ВОКС – Всесоюзное общество культурной связи с заграницей
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации, Москва
ГНИМА – Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А. В. Щусева, Москва
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства, Москва
ССА – Союз архитекторов СССР (до 1955 года – Советский союз архитекторов)
ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства, Санкт-Петербург
ЦГАНТД – Центральный государственный архив научно-технической документации, Санкт-Петербург
AASTA – Ассоциация архитекторов, строительных инспекторов и технических ассистентов (Association of Architects, Surveyors and Technical Assistants)
CIAM – Международный конгресс современной архитектуры (*фр.* Congrès International d'Architecture Moderne)
MARS – Группа по исследованию современной архитектуры (Modern Architectural Research Group; группа архитекторов, представлявших британскую часть Международного конгресса современной архитектуры CIAM), Великобритания
RIBA – Королевский институт британских архитекторов (Royal Institute of British Architects), Лондон
SCR – Общество культурных связей между Британским Содружеством и СССР (Society for Cultural Relations between the Peoples of the British Commonwealth and the USSR), Великобритания

Благодарности

Выражаю благодарность за помощь в работе над этим исследованием и получившейся книгой моим родителям Александру и Инне Александровым. Отдельное спасибо за советы, беседы, поддержку, а также за помощь в сканировании материалов Вадиму Бассу, Эдварду Боттомсу, Анне Вяземцевой, Стефану Гесслеру, Элине Захаровой, Дмитрию Козлову, Ксении Кокориной, Евгении Коньшевой, Катарине Лопаткиной, Марии Малич, Дарье Милле, Илье Печёнкину и Юлии Старостенко.

Спасибо сотрудникам Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А. В. Щусева, Российской национальной библиотеки, Российского государственного архива литературы и искусства, Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга, Государственного архива Российской Федерации и Лондонской архитектурной ассоциации за их исключительный профессионализм, который делает возможной нашу любую исследовательскую работу.

Глава 1. Между войнами

Архитектура и культурная дипломатия: ВОКС, «Интурист», SCR

Историография

Профессиональное общение между советскими и британскими архитекторами изучено мало, хотя сама тема международных связей советской архитектуры хорошо представлена в отечественной и западной историографии. Историк Стивен Уорд рассказывал об интересе к советскому опыту в контексте развития британского градопланирования¹, но его труды скорее исключение. Внимание исследователей было чаще обращено на отношения с французскими и итальянскими коллегами² в силу традиционного образцового статуса, которым обладали эти страны в процессе профессионального обучения в Академии художеств, или на немецкий и нидерландский опыт³ – в свете работы архитекторов из Германии и Нидерландов на советских стройках и повышенного внимания к Веймарской республике и Германскому рейху в период Интербеллума. Художественная жизнь Великобритании отрефлексирована, но речь идет, как правило, не об архитектуре, а о культурной политике в целом в контексте работы Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) и налаживания взаимоотношений между СССР и Западной Европой⁴. В иностранной историографии сложилась традиция описывать британских интеллектуалов, увлеченных Советским Союзом, либо как радикальных утопистов, верящих в совершенное рационально устроенное общество⁵, либо как наивных и доверчивых интеллигентов, попавшихся на удочку циничных английских журналистов, прельстив-

¹ Ward S. Planning the Twentieth-century City. Chichester, Hoboken, New Jersey: J. Wiley & Sons, 2002; Ward S. Soviet Communism and the British Planning Movement: Rational Learning or Utopian Imagining? // Planning Perspectives. 2012. № 27 (4). October. P. 499.

² Albera F. Albatros des Russes à Paris (1919–1929). Paris / Milan: Cinémathèque Française, Edizioni Gabriele Mazzotta, 1995; Хайт В. Проблемы и методы изучения архитектурного творчества русских архитекторов за пределами России и русских эмигрантов // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2004. Вып. 2. С. 236; Казусь И. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. М.: Прогресс-Традиция, 2009; Pechenkin I. Italianità and Russian Architecture of XIX century // Texts. Art and Literature Scientific and Analytical Journal. 2015. № 4. P. 6; Flierl T. Standardstädte: Ernst May in der Sowjetunion 1930–1933. Texte und Dokumente. Suhrkamp Verlag AG, 2012; Patti F. Boris Iofan in Rome: Professional Training, Contacts, Design and Realized Buildings: Between 1914 and 1924 // Kostyuk M. Boris Iofan. Architect Behind the Palace of Soviets. Berlin: Dom Publishers, 2019. P. 93; Печёнкин И., Шурыгина О. Иван Жолтовский. Опыт жизнеописания советского архитектора. М.: НЛО, 2023.

³ Коккинаки И. В. О профессиональных связях советских и голландских архитекторов в межвоенный период // Проблемы истории советской архитектуры. Сб. 3. М., 1977. С. 36; Невзгодин И. «Новая вежа международного фронта»: российско-нидерландские архитектурные связи 1920–1930-х годов // Архитектура по-голландски: 1945–2000. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2013; Конышева Е. Европейские архитекторы в советском градостроительстве эпохи первых пятилеток. Документы и материалы. М.: БуксМарт, 2017. С. 39; Malich K. “The Collective Approach Does Not Abolish the Individual”: Links between Soviet Avant-garde Experiments and Architectural Practice in the Netherlands during the Early Twentieth Century // Entangled East and West. Cultural Diplomacy and Artistic Interaction during the Cold War. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2018. P. 39.

⁴ Margulies S. The Pilgrimage to Russia. The Soviet Union and the Treatment of Foreigners, 1926–1937. Madison: University of Wisconsin Press, 1961; Hollander P. Political Pilgrims. Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China, and Cuba, 1928–1978. New York: Oxford University Press, 1981; Stern L. Western Intellectuals and the Soviet Union, 1920–1940. From Red Square to the Left Bank. Abingdon, Oxon, New York: Routledge, 2006; Советское Зазеркалье. Иностранцы туризм в СССР в 1930–1980-е годы / В. Багдасарян, К. Мазин, И. Орлов [и др.]. М.: Форум, 2007; Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2015; Лопаткина К. Бастарды культурных связей. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2019.

⁵ Cate D. The Fellow Travellers. Intellectual Friends of Communism. New Haven: Yale University Press, 1988.

шихся роскошной жизнью в Москве⁶. Третий вариант – «квазирелигиозный» максимализм, возникший в поисках высших ценностей (Пол Холландер)⁷. Во время холодной войны многие исследователи, пытаясь объяснить увлечение советской культурой, принимали во внимание политические обстоятельства, но не допускали в качестве причин человеческий фактор, личное любопытство, выходящее за рамки культурной дипломатии и идеологических установок⁸. К тому же сами идеологические предпосылки могли быть достаточно гибкими. В конце концов, даже профессиональные дипломаты не могли полностью игнорировать тенденции общественного мнения, и их решения основывались не только на стратегических соображениях⁹. Ссылаясь на «Ориентализм» Эдварда Саида, Уорд предполагал, что при изучении контактов Запада с СССР как в западных, так и в советских и постсоветских текстах возникали отчасти заранее культурно сконструированные схемы как проекция собственного опыта или страха¹⁰.

Романтизированный образ СССР, сложившийся в британских интеллектуальных кругах в начале XX века, был не только следствием «квазирелигии», но являлся результатом интереса к русской литературе и философии, который действительно был характерен для культуры раннего европейского модернизма (впрочем, как и любой другой радикальный поиск). Этот интерес проявлялся в самых разных формах – от обзоров в журнале *The Criterion* под редакторством Томаса Элиота до любви к фильмам Пудовкина и Эйзенштейна. После Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова для британской интеллигенции образ России был основан на таких понятиях, как душа, простота, сострадание, религиозность¹¹. Показательно, что уже в 1915 году некоторые авторы пытались убедить коллег, что за этим не кроется никакой «русской опасности» – «предвзвешенная, распространившаяся в США и Великобритании»¹². Как бы ни интерпретировали историографию, в любом случае даже с момента публикации Холландера прошло уже более сорока лет, и мы попробуем двигаться дальше, переключившись на сюжеты архитектуры.

Архитектурная секция ВОКС

Межвоенный период стал временем расцвета советской культурной дипломатии¹³, когда, пытаясь преодолеть дипломатическую изоляцию и показать преимущества прогрессивного социального порядка, советское правительство дало ВОКС широкие полномочия и относительную свободу. Управление ВОКС – Ольга Каменева и ее коллеги – понимало, что главную ставку в этой работе нужно делать на привлечение внимания западной интеллигенции, поскольку именно в этой среде формировалось в итоге общественное мнение. В связи с тем, что в СССР особая роль отводилась печатному слову, ВОКС в первую очередь дружил с литераторами (среди них было много британских писателей и философов, в том числе Бертран Рассел, Бернард Шоу). Во вторую – налаживал связи через сотрудничество с современными художниками и музейную работу. При этом достижения в области современной архитектуры

⁶ Muggeridge M. *Chronicles of Wasted Time*. Vol. 1: *The Green Stick*. London: Collins, 1972. P. 205.

⁷ Hollander P. *Political Pilgrims*. P. 28.

⁸ Ward S. *Soviet Communism and the British Planning Movement: Rational Learning or Utopian Imagining?* P. 499.

⁹ Хьюз М. Как превратить недруга в друга: воздействие культуры на англо-русские отношения 1900–1920-х годов. URL: <https://history.jes.su/s207987840001317-7-2>.

¹⁰ Gregory D. *Geographical Imaginations*. Oxford: Blackwell, 1994.

¹¹ Klimova S. “A Gaul who has chosen impeccable Russian as his medium”: Ivan Bunin and the British Myth of Russia in the Early 20th Century // *A People Passing Rude. British Responses to Russian Culture*. Cambridge: Open Book Publishers, 2012. P. 219.

¹² Klimova S. “A Gaul who has chosen impeccable Russian as his medium”: Ivan Bunin and the British Myth of Russia in the Early 20th Century // *A People Passing Rude. British Responses to Russian Culture*. Cambridge: Open Book Publishers, 2012. P. 218.

¹³ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. С. 19.

рассматривались в контексте общей пропаганды социалистического строя и стояли в одном ряду с кинематографом, детьми и борьбой с проституцией. В информационных брошюрах ВОКС архитектурные новости могли попасть в сводки «Метро-сборника», «Курортного сборника» или в бюллетень «Общественное питание». К тому же в составе ВОКС сначала практически отсутствовали специалисты по архитектуре. Из 33 участников актива III Западного отдела ВОКС лишь два человека представляли зодчество¹⁴.

Архитектурная секция, входившая в сектор художественной культуры ВОКС еще с 1926 года, активизировала работу чуть позже, после образования в 1932 году Союза советских архитекторов (ССА). Именно тогда были сформулированы следующие задачи: «1) завоевание буржуазной прессы для пропаганды советской архитектуры; 2) организация выставок; 3) поощрение информации из-за границы путем организации докладов признанных иноархитекторов и получение статей и консультаций, помощь в проведении крупных мероприятий, связанных с иноархитекторами (съезды, конгрессы и т. д.); 4) разъяснение для заграницы принципиальных установок и позиций современной советской архитектуры»¹⁵. Очевидно, что, помимо репрезентативных целей (показать размах преобразований и передовых технологий), советские архитекторы были сами заинтересованы в информации об актуальных зарубежных практиках и индустриализации строительного производства – обо всем, что могло помочь им в их собственной работе. Учитывая масштабные планы в области строительства новых и преобразования исторических городов, контакты в профессиональном архитектурном сообществе были крайне необходимы.

Переписка с иностранными организациями и частными лицами велась через ВОКС. От Союза архитекторов на письма отвечал чаще всего ученый секретарь ССА, член архитектурной секции ВОКС Давид Ефимович Аркин. В случае необходимости он делегировал ответы своим коллегам. К Аркину попадали и письма британских специалистов, которые шли через Англо-американский отдел ВОКС. Хотя Аркин свободно общался на английском, все письма официально переводились на русский язык, а ответы – на английский, и сохранить в них индивидуальный, личный тон было невозможно. Ответы всегда были предельно дружелюбны, но нейтральны. В эти годы в общении с иностранными профессионалами, как заметила Евгения Конышева, советские архитекторы представляли на международной арене именно государство¹⁶.

Советские чиновники понимали, что стране требовался опыт в области типового жилищного строительства, градопланирования, проектирования поселений в новых индустриальных районах. Этот вопрос волновал практически все европейские страны. Приглашая иностранных архитекторов, Советский Союз получал, с одной стороны, возможность завербовать специалистов, знакомых с инфраструктурой современного строительного производства, а с другой – показать миру, что эксперимент Современного движения¹⁷, о котором грезили многие

¹⁴ Анатшева И. Роль Всесоюзного общества культурной связи с заграницей в развитии международного сотрудничества СССР. 1925–1939: дис. ... канд. ист. наук 07.00.01. 1994. С. 134.

¹⁵ Конышева Е. Международные связи Союза советских архитекторов в 1930-е годы: профессиональный диалог под контролем государства // Борис Иофан. Пути архитектуры 1920–1940-х годов. К 130-летию архитектора. М.: Кучково поле, 2023. С. 299.

¹⁶ Конышева Е. Международные связи Союза советских архитекторов в 1930-е годы: профессиональный диалог под контролем государства // Борис Иофан. Пути архитектуры 1920–1940-х годов. К 130-летию архитектора. М.: Кучково поле, 2023. С. 302.

¹⁷ Современное движение (Modern Movement) – термин, которым традиционно обозначают период становления архитектурного модернизма в Европе и США. Как явление культуры модернизм оказывается шире художественного метода: к нему можно отнести конструктивизм, функционализм, баухаус, новое строительство и другие направления, определявшие наиболее радикальные эксперименты в 1920–1930-х годах (в том числе и более консервативный на первый взгляд стиль ар-деко). Функционализм – общее название для экспериментов в европейской архитектуре 1930-х годов. Интернациональный стиль – еще один синоним (или магистральное направление) в архитектуре модернизма. Этот термин получает легитимность благодаря одноименной выставке современной архитектуры, прошедшей в Музее современного искусства в Нью-Йорке в 1932 году.

западные функционалисты, был возможен лишь в условиях тотального обновления, то есть только в СССР. Среди зодчих, поверивших в этот шанс, были преимущественно немецкие, нидерландские и швейцарские профессионалы, разделявшие социалистические идеи (Ханнес Майер, Ганс Шмидт, Йоханнес Ниггеман, Март Стам, Лотта Беше и многие другие). В отличие от немецких и нидерландских архитекторов ни один британский специалист не работал в СССР. Причиной тому были и консервативные архитектурные предпочтения, и напряженные взаимоотношения двух государств: кризис англо-советских отношений в 1927 году («Военная тревога»), разрыв дипломатических контактов, разрыв торгового соглашения в 1932 году после краткосрочного перемирия, постоянное недоверие, угрозы санкций, подозрения в шпионаже. Сближение Москвы и Лондона происходит в середине 1930-х годов на фоне агрессивных военных планов Гитлера и Муссолини и снова обрывается в 1939-м после заключения пакта о ненападении между Германией и СССР.

Ровно в промежутки между эскалациями русско-британского противостояния попадают многочисленные выставочные проекты, связанные с русским искусством. В 1928 году русский департамент Бирмингемского университета организовал выставку в галерее «Рёскин». В ее составе было около 70 работ художников-эмигрантов: Наталии Гончаровой, Михаила Ларионова, Константина Коровина. Другая выставка русских авторов прошла в лондонской галерее «Блумсбери» в 1930 году. А в 1935 году, практически параллельно с визитом в Москву и приемом у Сталина представителя британского правительства Энтони Идена, в Лондоне состоялась выставка «Рисунки русской жизни», была организована персональная выставка Филиппа Малявина и еще одна масштабная выставка русской живописи¹⁸. Эти культурные инициативы в Великобритании стали возможными благодаря интенсивной работе Общества культурных связей между Британским Содружеством и СССР (SCR), основанного в 1924 году, когда Соединенное Королевство стало первой капиталистической страной, признавшей советское правительство. Общество получало дотации от ВОКС, но пользовалось абсолютной независимостью. Это была небольшая организация, существовавшая благодаря инициативе энтузиастов, увлекавшихся русской культурой и симпатизировавших советскому социальному эксперименту. С 1925 по 1937 год президентом Общества был поэт и критик Ласеллс Аберкромби, брат архитектора и урбаниста Патрика Аберкромби. Активное участие в работе Общества принимала также писательница Амабель Уильямс-Эллис, жена влиятельного зодчего Клафа Уильямса-Эллиса. Члены SCR активно популяризировали советскую архитектуру, организуя доклады и лекции, печатая буклеты и отчеты. Через SCR шло большинство запросов от британских архитекторов и градостроителей к их советским коллегам. Общество передавало все сообщения в посольство СССР или напрямую в ВОКС, а оттуда письма уже попадали в архитектурную секцию и к сотрудникам Союза архитекторов.

Какие только вопросы не приходили из Великобритании во второй половине 1930-х годов! Просьбы прислать образцы студенческих работ из Московского архитектурного института (МАРХИ), а также фотографии выставочных павильонов, киосков, зоопарков для выставок современной архитектуры (Аркин посоветовал взять материалы у Эль Лисицкого, Константина Мельникова и Вячеслава Олтаржевского); запросы снимков новых советских зданий для коллекции Королевского института британских архитекторов (RIBA) и журнала *Studio*; предложение написать рецензию на проект музея театрального деятеля Хантли Картера; сбор материалов о новых методах строительства для диссертаций; приглашение принять участие в выставке жилой архитектуры в Дублине; поиск работы в СССР и контактов практикующих архитекторов; проявляли даже любопытство по поводу устройства русской бани.

В 1928 году был создан Международный конгресс современной архитектуры, который в 1933 году принял Афинскую хартию – перечень основных правил новой архитектуры и градостроительства.

¹⁸ Cross A. Exhibiting Russia: The Two London Russian Exhibitions of 1917 and 1935 // Slavonica. 2010. XXI. P. 39.

Функционализм vs традиционализм

В некоторых случаях адресаты ВОКС разделяли коммунистические взгляды, иногда были адептами Современного движения, но не всегда эти предпочтения совпадали. Модернизм, безусловно, не был синонимом коммунизма, хотя в 1930-е функционалистов часто обвиняли в «культурном большевизме». Дискуссии по этому поводу перерастали иногда в открытые конфликты. Например, в разгар строительства Выборгской библиотеки финский архитектор Бертель Юнг подошел в ресторане к столику, за которым сидели Гуннар Асплунд и Алвар Аалто, и громко воскликнул: «Так вот где сидят архитекторы-большевики!» В ответ Аалто встал и дал Юнгу пощечину, скандал потом долго пришлось улаживать. Аалто не был склонен объединять архитектуру и политику, но сохранять нейтральную позицию пионерам Современного движения было сложно. Если уж в Финляндии и Скандинавии возникали столь эмоциональные прецеденты, то тем более зарождение интернационального стиля встретило отторжение в Великобритании. В безордерной архитектуре и современных материалах многие британцы видели не только «красную», политическую угрозу, но и нравственную. Так, новообращенный католик Ивлин Во в романе «Упадок и разрушение» (1928) показал дезориентацию старого мира именно через отношение к архитектуре. Исчезновение авторитета традиций и знания, размывание границ человеческой морали и чести – все это получило архитектурное измерение. Об этом говорил один из героев, архитектор Отто Фридрих Силен, безжалостно перестраивающий старинный особняк. «Задачи зодчества, как я их понимаю, – внушал он журналисту, посетившему его, чтобы узнать, как продвигается его удивительное создание из железобетона и алюминия, – те же, что у искусства вообще. Архитектуре должно быть чуждо все человеческое. Фабрика – вот совершенное строение, ибо там живут не люди, а машины. Жилой дом не должен быть красивым»¹⁹. Собственно, и слово *fall* в названии романа (*Decline and Fall*) означает в том числе грехопадение. Равнодушие и холодный расчет модернистской утопии нивелировали, по мнению Во, не только архитектуру, но и личность.

В то же время и сторонники левых идей были уверены, что спасают мир от безнравственности и неправды, очищают искусство от мещанских вкусов и вульгарного прагматизма. В Лондонской архитектурной ассоциации – первой школе в Великобритании, где преподаватели и студенты начали открыто демонстрировать симпатии к интернациональному стилю, многие мастера и студенты разделяли коммунистические взгляды (Годфри Самюэль, Мэри Жаклин Тирвитт, Грэм Шенкленд). Протест в ассоциации был своего рода традицией. Школу основала в 1847 году группа студентов, пытавшихся изменить подход к традиционному архитектурному образованию в Великобритании. Когда в начале 1930-х годов идеи европейского функционализма проникли в Англию, ассоциация с энтузиазмом приняла эксперимент. В 1938-м в студенческом журнале *Focus* члены ассоциации писали: «Мы были рождены цивилизацией, чьи лидеры, идеалы, культура потерпели фиаско. Они до сих пор имеют вес. Но мы, следующее поколение, не можем примириться с их властью. Мы уверены, что их действия приведут лишь к несчастью... Сегодня на студентов в нашей профессии ложится ответственность бóльшая, чем когда бы то ни было»²⁰. Лондонская архитектурная ассоциация вскоре установит тесные контакты с SCR. Здесь, в особняке на Бедфорд-сквер, будут проходить лекции и встречи, посвященные новому советскому строительству, а секретарь ассоциации Фрэнк Йербюри посетит Советский Союз и станет впоследствии активным участником советско-британского архитектурного общения.

¹⁹ Во И. Упадок и разрушение. М.: АСТ, 2009. С. 140.

²⁰ Editorial. Focus. № 1, summer 1938. London: Percy Lund Humphries & Co Ltd. P. 1.

Стоит отметить, что и в Советском Союзе, несмотря на, казалось бы, более ограниченную возможность выбора между художественными направлениями и политическими взглядами, не существовало однозначных, раз и навсегда выбранных стилистических предпочтений. Анализ взаимоотношений между школами европейского традиционализма и функционализма позволяет вспомнить о параллельном развитии в советской архитектуре этого же периода конструктивизма/рационализма и ретроспективного направления, осваивавшего классическое наследие. Даже в разгар эксперимента советского авангарда более традиционное направление не теряло полностью свою актуальность, о чем свидетельствуют и работы Ивана Владиславовича Жолтовского (Дом Советов в Махачкале (1926–1932) и здание Госбанка в Москве (1927–1930))²¹, и классицизирующие тенденции ленинградской школы, и поиски между авангардом и более конвенциональным пониманием архитектуры, отразившиеся в творчестве Бориса Михайловича Иофана²². Анатолий Васильевич Луначарский и вовсе выступал против противопоставления традиционалистов и функционалистов, в равной степени поддерживая обе тенденции. Как заметил искусствовед Томас Флирль, в соответствии с замыслом Луначарского эта многогранность должна была отразиться в распределении трех главных премий на конкурсе проектов Дворца Советов. Жолтовский и Ле Корбюзье олицетворяли стилистические полюса, в то время как между ними идеально вставал монументальный, но лаконичный Иофан²³. Однако вместо Ле Корбюзье премию получил Гектор Гамильтон, что вызвало невероятное раздражение со стороны членов Международного конгресса современной архитектуры (CIAM) и привело к целой кампании по дискредитации советской архитектуры.

CIAM направил два письма протеста на имя Сталина, а в архитектурной периодике стали появляться тексты о печальном состоянии архитектуры и строительного дела в СССР. Например, в 1932 году французский журнал *La Construction moderne* поместил неприятный текст с критикой не только советской архитектуры, но и просоветски настроенного журнала *L'Architecture d'Aujourd'hui*. Поэтому, принимая в Москве и Ленинграде французского архитектора Жозефа Ваго, ВОКС «провел сложную ответственную работу», чтобы *L'Architecture d'Aujourd'hui* подготовил специальный номер в ответ на «клеветнические выступления». Готовясь к следующему приезду Ваго в декабре 1932-го, ВОКС искал для него в качестве провожатого кого-либо из советских архитекторов «не из левых группировок, так как Ваго – эклектик по стилю своих работ, но имеет очень большой вес в европейской архитектуре»²⁴.

Стилистические предпочтения как инструмент идеологического противостояния

Еще до того, как в СССР началась критика архитектурного авангардного эксперимента в лице ОСА, АСНОВА, «леонидовщины» и бичевание «отрицательных моментов конструктивизма», которые наконец-то «разоблачены пролетарской общественностью»²⁵, приходилось искать подходящие формулировки, чтобы провести границу между правильным и неправильным модернизмом. В текстах, сопровождавших каталог выставки школы Баухаус, Ханнес Майер, работавший тогда в Союзе, объясняет, что экспозиция посвящена периоду «Красного Баухауса» – марксистского учебного заведения. Предшествующий этап он описывает как интересный художественный эксперимент, обесцененный рекламой и превратившийся в «инфек-

²¹ Печёнкин И. Архитектура и власть. Случай Ивана Жолтовского // Борис Иофан. Пути архитектуры 1920–1940-х годов. С. 165.

²² Костюк М. Борис Иофан. До и после Дворца Советов. Берлин: DOM Publishers, 2019.

²³ Флирль Т. Протест Ле Корбюзье и CIAM против результатов открытого тура конкурса на Дворец Советов: 1932 год // Борис Иофан. Пути архитектуры 1920–1940-х годов. С. 285.

²⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 2.

²⁵ Михайлов А. Группировки советской архитектуры. М.; Л.: ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1932. С. 15.

ционную болезнь немецкой архитектуры последних лет», «азбуку эстетствующих снобов»²⁶. «Красный Баухаус» благодаря Майеру перешел с художественного уклона на социологический, обеспечивая стандартные потребности масс, а не буржуазную роскошь. В этом же каталоге Аркадий Мордвинов пытается пояснить, что, да, в Баухаусе порвали с «эkleктической архитектурой, украшенческой, подражательной, реставрирующей древние стили». Но при этом конструктивизм Гропиуса – плохой, «формалистический», а Майера – хороший, «инженерный». Гропиус эстетизирует технику, увлекается художественными приемами и в результате создает предметы роскоши для музеев и буржуа, в то время как Майер добивается научного решения, отвечающего прямым функциям, «отвергая всякое эстетство», и запускает продукцию для рабочих масс²⁷.

Когда Мордвинов критикует, кажется, что он, наоборот, хвалит: «Чашке – произведению школы Гропиуса, – где стекло стакана охвачено металлическим поясом, связанным с деревянной ручкой, где все внимание ушло на остроумное конструирование и выявление фактурных свойств разнородных материалов – стекла, дерева, металла – и их формальной выразительности, Ханнес Майер противопоставляет простую стандартную стеклянную чашку, отвечающую своему прямому назначению»²⁸. Формулировки, связанные с критикой или защитой стилистических предпочтений, становились все более витиеватыми: их можно было подставлять практически к любым именам и объектам, в зависимости от цели: разоблачить скомпрометировавшего себя автора или похвалить надежного.

Позже, когда конструктивизм и рационализм уже были практически разгромлены, во время общения с иностранными коллегами на I Съезде советских архитекторов (1937), советский архитектурный истеблишмент уже не стеснялся нового курса. В *Moscow Daily News* – газете, выходившей на английском языке, – Александр Веснин давал бескомпромиссный комментарий: «Каждый архитектор должен любить классику; тот, кто не воспринимает красоту классики, не может быть архитектором... Однако некоторые советские архитекторы неправильно поняли задачу освоения классического наследия прошлого и оказались связанными классикой»²⁹. В итоге во время подготовки к I Съезду советских архитекторов ВОКС и ССА оказались, по замечанию Евгении Конышевой, «в международных коммуникациях в идеологической ловушке»³⁰. При составлении списка гостей оргкомитет следил, чтобы в него вошли уважаемые профессионалы, но в то же время они должны были быть дружелюбно настроены к СССР. В предварительные списки, делая пометку «левого направления», пришлось включить ряд представителей функционализма: Якобуса Ауда, Свена Маркелиуса, Алвара Аалто, Робера Малле-Стевенса, Франсиса Журдена.

От Великобритании на I Съезд архитекторов в Москву планировалось позвать более консервативных мастеров: Клафа Уильямса-Эллиса, сэра Раймонда Энвина (хотя к тому времени уже были опубликованы его критические тексты о русской архитектуре), нового председателя RIBA Перси Эдварда Томаса, секретаря RIBA сэра Иэна Макалестера. В случае свободных мест предлагались также кандидатуры архитектора Чарльза Боссома и директора Лондонской архитектурной ассоциации Говарда Робертсона³¹. Все расходы в России (поезд, питание, жилье) Союз архитекторов брал на себя. Для иностранных гостей была составлена короткая экскурсионная программа (обзорная поездка по Москве, посещение метрополитена, здания типографии «Правда» и канала Москва – Волга, осмотр выставки «Архитектура

²⁶ Майер Г. Предисловие // Баухауз Дессау. 1928–1930 [каталог выставки]. М.: ВОКС, ГМНЗИ, 1931. С. 9.

²⁷ Мордвинов А. Выставка Баухауз в Москве // Баухауз Дессау. С. 16–17.

²⁸ Мордвинов А. Выставка Баухауз в Москве // Баухауз Дессау. С. 19.

²⁹ Vesnin V. A. All-Union Meet Will Analyze Past Errors and Achievements // *Moscow Daily News*. 1937. June 16. P. 3.

³⁰ Конышева Е. Международные связи Союза советских архитекторов в 1930-е годы: профессиональный диалог под контролем государства. С. 305.

³¹ РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 22.

СССР», встреча со строителями в ЦПКиО, поездка в Коломенское и дом отдыха в Суханово). На выбор дополнительно предлагалась поездка в Ленинград или Харьков. Увы, хотя приглашенные ответили очень доброжелательно, никто, кроме Клафа Уильямса-Эллиса, не приехал, все уклончиво сослалось на разные обстоятельства (в основном на нехватку времени). Из-за бюрократической сумятицы приглашения были высланы поздно. К тому же само время проведения московского съезда оказалось выбрано крайне неудачно: в 1937 году в Париже в мае открылась Всемирная выставка, а в июле проходили XIV Международный конгресс архитекторов и V Международный конгресс современной архитектуры CIAM. В итоге в Москву приехали лишь 17 иностранных делегатов, и не все из них воздержались от критики советской архитектуры³². Но то 1937 год, а в начале 1930-х, несмотря на все противоречия, скепсис и запутанную расстановку сил внутри профессионального сообщества, советский опыт неизменно вызывал обычное человеческое любопытство.

Первые организованные поездки британских туристов в СССР

С 1931–1932 годов в СССР начинают приезжать британские специалисты, чья профессиональная деятельность была связана с градопланированием, городским благоустройством и строительством нового жилья. Во многом этому поспособствовал активизировавший свою работу «Интурист». Государственное акционерное общество по иностранному туризму было основано еще в 1929-м, но в 1930–1931 годах в мире – из-за общей экономической депрессии – был зафиксирован массовый туристический кризис (в некоторых странах даже возникло общественное движение против заграничных поездок³³). Ситуация исправилась в 1931 году: если в 1929-м страну посетили 2500 иностранцев, то в 1933-м – уже 8700. Народный фронт и роль СССР в антифашистском движении также способствовали популяризации образа России. В декабре 1935 года в Лондоне прошел Конгресс мира и дружбы с СССР, а на следующий год был достигнут пиковый показатель «Интуриста» – 20 400 человек. В 1931–1932 годы вышло несколько прекрасно оформленных путеводителей по Москве и Ленинграду на английском языке – с картами, цветными иллюстрациями, продуманной графикой и модной рекламой³⁴.

³² Конышева Е. «Бурные аплодисменты, все встают»: иностранные гости на Первом Всесоюзном съезде советских архитекторов // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2018. № 2 (11). С. 235.

³³ Орлов И. «В Стране ледяного ужаса»: научно-туристская экспедиция «Интуриста» в Арктику в 1931 году // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. № 4. С. 36.

³⁴ A Short Illustrated Guide to Leningrad. Moscow: All-Union Company "Hotel Ltd", 1931; Great Cities of the USSR. Moscow: Intourist, 1931.

Путеводители по Москве и Ленинграду, подготовленные «Интуристом». 1931

«Красная газета» писала летом 1932 года: «Разноязычная речь на улицах, вереницы лин-кольнов у подъездов. Огромные пароходы у причалов. Шесть тысяч иностранных туристов посетили Ленинград в 1931 году – в полтора раза больше пройдет их в 1932 году... Туристы этого года любят Эрмитаж и окрестностями, но больше всего стремятся попасть на заводы, в школы и профилактории. Друзья и враги одинаково интересуются нашими успехами, хоть и по разным причинам»³⁵. Последнее замечание очень точно. Как говорил в своем

³⁵ Наплыв иностранных туристов // Красная газета. 1932. 1 августа. Вечерний выпуск. С. 2.

докладе секретарь Лондонской архитектурной ассоциации Фрэнк Йербюри, посетивший Россию в 1932 году, англичане действительно ехали в СССР, чтобы убедиться в своих правых или, наоборот, левых убеждениях³⁶. Как правило, гости находили подтверждения именно своим ожиданиям, поэтому в уцелевших личных воспоминаниях ценнее всего оказываются свидетельства, не укладывавшиеся в настроения, с которыми изначально путешественники отправлялись в Советский Союз. Сравним воспоминания Фрэнка Йербюри с отзывом Памелы Трэверс.

Фрэнк Йербюри во время путешествия в Восточную Европу и СССР. 1932. Архив Лондонской архитектурной ассоциации

В 1932-м молодая и по-английски решительная, тогда еще просто журналистка Памела Трэверс отправляется в СССР в составе обычной туристической группы «Интуриста»³⁷. Еще по пути в Ленинград она спорит со своими более доброжелательно настроенными попутчи-

³⁶ Yerbury F. Impressions of Russia // Architectural Association Journal. 1932. XLVIII. № 549. P. 116.

³⁷ Трэверс П. Московская экскурсия. М.: Лимбус-Пресс, 2017.

ками, солидными профессорами, скептически оценивает информацию, полученную от русских гидов, и очень колко отзывается обо всех продемонстрированных достижениях социалистического образа жизни. «Наш отель очень современный, очень уродливый, очень новый, хотя стены уже облупились. Из него вышла бы отличная тюрьма»³⁸. Но зато наследие петербургской архитектуры заставляет Трэверс оставить насмешливый тон. Александро-Невская лавра напоминает ей о британской архитектуре XVIII века, старых английских усадьбах и поэтах-романтиках. В противостоянии Зимнего дворца и Главного штаба она видит олицетворение русской необузданности и европейской дисциплины. При этом общая запущенность, неприкаянность исторического наследия на фоне неразберихи и абсурда, по всей видимости, доводят писательницу до изнеможения: «Скорей бы уже уехать из Ленинграда! Несмотря на красоту, здесь какая-то мертвящая атмосфера. Великолепие XVIII века представляется странным неуместным наростом»³⁹. Судя по всему, архитектурные вкусы Трэверс совпадали с предпочтениями Ивлиева: «Мы стараемся избавиться от механизированного века, а они его обожествляют».

Стратегии гостеприимства

Примечательно, что и Трэверс, и Йербюри имели возможность свободно перемещаться по городу, несмотря на опеку гидов. Секретарь Лондонской архитектурной ассоциации специально подчеркнул в своем докладе, что слухи о том, как от туристов скрывают правду и держат на «коротком поводке», сильно преувеличены. Фрэнк Йербюри гулял по ночам, осматривал все, что казалось ему любопытным, и никто его не останавливал⁴⁰. На фотографиях, сделанных им во время поездки, Ленинград предстает городом с чистыми улицами, благоустроенными скверами, ухоженными памятниками. В действительности, конечно, степень свободы иностранного туриста зависела от его статуса и личного опыта. Кто-то послушно следовал всем инструкциям, не отставая от гида, а кто-то требовал дополнительных пунктов программы. У кого-то были в России друзья или даже знакомые чиновники, что давало возможность с разных сторон и более объективно взглянуть на жизнь в советской России, а за другими, кто показался подозрительным, наоборот, наблюдали сотрудники «Интуриста». В конце концов особенности характера и умение вести диалог тоже сказывались на успехе путешествия.

³⁸ Трэверс П. Московская экскурсия. М.: Лимбус-Пресс, 2017. С. 35.

³⁹ Трэверс П. Московская экскурсия. М.: Лимбус-Пресс, 2017. С. 80.

⁴⁰ Yerbury F. Impressions of Russia. P. 124.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.